

Георгий Гачев

Национальные образы мира

Общие вопросы: русский,
болгарский, киргизский,
грузинский, армянский

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Г36

Г36 **Георгий Гачев**
Национальные образы мира: Общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский / Георгий Гачев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 234 с.

ISBN 978-5-458-23912-7

Книга является методологическим ядром серии сравнительных описаний культур и миропонимания разных народов. Подобно тому как человек есть троичное единство: тело, душа, дух - так и каждый национальный мир рассматривается автором как единство местной природы (Космос), характера народа (Психея) и его ума, ментальности (Логос). Автор выявляет единый стержень всего разветвленного древа национальной культуры в его проявлениях на разных уровнях: в быту, нравах, религиях, образности литературы и искусства, философских системах, теориях естествознания и т. д. У каждого народа свое призвание на земле, своя идея, своя энтелихия (целевая причина), как Божий замысел о нем. И лишь в сопоставлении этих голосов возможно услышать голос единого человечества.*книга начинается со 174 (Тютчев - Достоевский), с главы "О Национальной образности русской поэзии".

ISBN 978-5-458-23912-7

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

и они в моем духе вступают в образные коллизии, между ними сюжеты и перипетии разыгрываются — почему же невозможна такая художественная работа, требующая права на пийтические вольности и на слог неказенный, несказанный, — не принято, что раз с таким материалом, то обязательно должна быть научной и в «сциентистском» стиле? Ведь общепризнано в эстетике, что в сё может быть предметом художественного воспроизведения. Чем же мысль виноватее человека или эмоции?»

Как авторы художественных произведений в образной форме ставят и решают важнейшие вопросы бытия человека, так и критик, эстетик, философ вовсе не обязан постоянно держаться рассудочно-аналитического стиля, всё живое переводя в понятие. И он имеет полное право на синтез мысли и образа, словно бы напоминая читателю о тех синкетических временах восхода литературной мысли, когда и критики, и эстетики в сегодняшнем понимании не было, а были разные, еще строго не расчлененные по жанрово-видовым рядам, ипостаси единого Слова о мире.

Однако при чтении Гачева все же возникает мысль о границах образного своеобразия в научных текстах, о стилистических берегах даже самого свободного жанра и метода. Истина здесь, как и всюду, конкретна, и если некоторые тексты автора неотразимо убеждают меня в своем праве на долгую жизнь, то другие вызывают неприятие или, по крайней мере, сомнение в своей плодотворности из-за вычурности (которая не лжет) слова-образа, вдохновенно пущенного в ход без тормозов строгого художественного контроля, обязательного для любого рода творческой деятельности. Так, читая о сходном и различном в грузинском и армянском национальном художественном сознании и восхитившись несколькими остроумными пассажами и уподоблениями, в целом остаешься неудовлетворенным самодовлеющими зигзагами авторской мысли, больше полюбившей и узнавшей на сей раз себя, нежели предмет своих штудий. Но, может быть, это проблема моего восприятия, а не гачевского текста.

В основе гачевского метода лежит не формальная и даже не диалектическая логика, а художественно-философская интуиция, то, что им самим определяется как мыслеобраз. Автор идет уникальным путем, и если не всегда достигает желаемого философско-художественного синтеза, то, по крайней мере, открывает по дороге новые перспективы и для современной культурологии и для сравнительно-исторической поэтики. Энциклопедическая широта охвата явлений культуры многих народов, остроумная и гибкая система культурных параллелей, схождений и отталкиваний на самых разных уровнях, анализа глубоких демократических корней каждого национального образа мира делают книгу Гачева заметным событием нашей гуманитарной жизни.

Гачев патетичен, как мало кто из современных литерату-

ведов. Его жизнерадостный философствующий ум не боится барочной пышности сравнений, парадоксальной образности, своеобразного юмора, настоянного на филологической игре, доверия к семантической и звуковой глубине слова. Он пишет не отдельными красками, а как бы культурными слоями, щедро смешивая в словесной палитре аукающееся прошлое и откликающееся будущее. Отсюда метафоричность текста, его безусловный лиризм, не всегда привычный для общепринятых у нас стилевых норм в критике, а уж тем более в науке. Не всем по душе такая демонстративная свобода, такое дразнящее нарушение «правил хорошего тона». Но одного объективно отрицать невозможно: в мечтательной гачевской патетике, в ее полетах и ассоциациях заключена обаятельная сила чистого и проницательного сознания, зовущего мир к полноте и совершенству, рассматривающего искусство как высшую форму духовной деятельности.

Многие работы Георгия Гачева еще ждут публикации. Надо открыть им дорогу к читателю. Такие литераторы и ученые, как Гачев, есть тоже наше национальное достояние, и не меньше, чем творцы эстетических ценностей как таковых. Будем же помнить об этом и беречь художественно-философскую, непрагматическую мысль своим вниманием и уважением.

Евгений Сидоров

ПРЕДИСЛОВИЕ 20 ЛЕТ СПУСТЯ

9.3.84. Это — книга-путь. К описанию национальных образов мира я приступил в 1964 году — и вот продолжаю доселе. Начинал сравнительно молодым, в 35, а сейчас я уже и пожилой. Это — труд моей жизни: многотомная уже написана серия. И только сейчас фактически приступаю к изданию, ибо лишь крохи доселе просочились в печать.

Трудности в этой теме стояли и стоят неимоверные: и познавательного, и эмоционального, и практически-политического свойства, — то есть: постичь, не обидеть (уважить) и опубликовать. Во-первых, постичь особенности каждого народа трудно, а постигнув, суметь выразить. Во-вторых, деликатнейшая это материя и сюжет. К познанию себя каждый народ относится так же, как и человек: с одной стороны, страшно интересно узнать про себя, какой же я на самом деле, или просто как на сторонний взгляд представляюсь, выгляжу; а с другой — тут же и обида, и амбиция, и отталкивание: я всю жизнь себя понять тщусь и не могу, а ты — ишь, какой шустрый! разобрался! «Пришел-увидел-победил! Понял меня! Определил — ограничил! Как бы не так!..

И это — действительно неустранимый диалектический сюжет в исследовании национальных особенностей.

Тут — три, по крайней мере, лекарства.

Во-первых, конечно, исходная позиция равенства: не в том смысле, что все похожи и одинаковы, но что равно ценны именно своей непохожестью и друг для друга, и как инструменты мирового оркестра Культуры — каждый незаменим в своей роли и качестве.

Во-вторых, как можно более тщательное проникновение во все стороны быта и культуры народа, детальное изучение.

В-третьих, как можно более широкий охват разных народов. Ширина тут равна глубине. Ибо сколько бы я ни изучал национальные особенности одной, русской, например, культуры, — пока я не привел их в сопоставление с национальными особенностями культуры другого народа: французского, киргизского или болгарского и проч., — ни одно мое утверждение не имеет достоверности, а шатко-валко. Так что сравнительно-сопоставительный метод тут обязателен. Причем каждый новый изученный национальный тип культуры становится прожектором-объяснителем всех предыдущих: вносит поправки к предыдущим тезисам, бросает на них новый свет и добавляет им в доказательности. Каждый одновременно — и объект, и инструмент анализа. Но также и ранее описанные образы мира со своих сторон его, новенького, облучают, наваливаются мять-тузить-объяснять. Веселая работа! «Куча мала!» Так что когда к 5 уже описанным национальным образом мира добавляется еще 2, тут не сложение понятия происходит в понимании и тех и этих, а умножение, иль даже возвведение в степень: не $5 + 2$, но 5×2 , и даже 5^2 , — т. е. не 7 и не 10, а 25 «битов информации» (как выражаются в теории последней), иль «на порядок выше» становится общее понимание.

Да и эмоционально веселее: так, участнику юношеской игры в мнения перестает быть обидно и даже весело становится, когда, прослушав мнение о себе, тут же о разных прочих столь же откровенные слышит, — и успокаивается самочувствие в нем.

Вот почему и не торопился я публиковать по кусочкам свой труд, понимая, что чем больше я наработаю описаний разных образов мира, тем более убедителен будет каждый, и проходимее в печать. Да и теперь жаль, что формат настоящей книги позволяет лишь малую часть исследования вместить.

Далее. За эти 20 лет постепенно вырабатывалась методика исследования, менялся и стиль, «и сам, покорный общему закону, переменился я», — так что не будет здесь однородности и внешнего единства и жесткости в терминологии — да и не нужно их добиваться. Ведь всякий входящий в этот гигантский Космос национальных особенностей — оглушен, ослеплен пестротою, и лишь по частям начинает разбираться, что к чему. И те фазы в своем понимании и методе, которые проходил я,

их не миновать и другим: их поступательность — объективна.

Также менялись задачи, проблемы и объекты внутри этой темы. Если начинал я это исследование будучи литературоведом, в Институте мировой литературы, и описывал национальные образы мира на гуманитарном материале, то далее законно было задаться вопросом: а в естествознании как? не сказываются ли они и там? И я принялся изучать естественные науки и их проблемы с этой точки зрения и перешел уже на территорию Института истории естествознания и техники. Французский образ мира и стиль мышления я пытался понять в монографии «Связь физики Декарта с гуманитарной культурой Франции», английский — в монографии «Механика Ньютона и Английский Космос». Мною исследованы национальные варианты Пространства и Времени, написаны «Дневник удивлений математике» и «Гуманитарный комментарий к физике и химии», описаны разнонациональные гидростатики и ботаники, проделаны опыты художественного исследования естествознания, продемонстрирована национальная образность в мышлении естествоиспытателей, — и залежи этих трудов когда-то, вслед за этой первой книгой, должны, разумеется, войти в обиход культуры.

И стиль: сначала он был более сухо-научным, нейтральным, а затем более метафорически-образен и личен становился, ибо стал я все шире и смелее работать с «мыслеобразами» и применять «дедукцию воображения»: когда не только мысль из мысли, но и образ из образа выводится...

Всеми этими индивидуальными особенностями моего исследования национальных особенностей объясняется и построение настоящей книги, и надобность датировки отдельных разделов.

Книгу надо читать не только как научный труд, но и как повествование, где главный герой — испытующая мысль, и драму ее борений с трудно постигаемым материалом созерцать — и сострадать... Соответственно, введу фигуру Ведущего — меня нынешнего, кто будет вести читателя-зрителя от сцены к сцене, представляя и комментируя по надобности.

О, это на удачную идею я напал! Фигура Ведущего, проводыря Вергилия по многонациональной «божественной комедии» Бытия, поможет образовать единство, склеить разнородные и разновременные части иссле-

дования. В то же время Ведущий имеет право вступать в диалог, оспаривать, критиковать, пояснять и т. д., что создаст новый динамизм, драматизм и живость. Ведущий может к тогдашнему слову добавлять антитезис — и в то же время не отменять мысль-слово того времени нынешним утверждением, которое ведь тоже частично и не самостоят, а производно от того, что я думал об этом же предмете 20 лет назад.

Итак, начинаем! Занавес!

— Но еще минуточку! — спохватываюсь ввести одно уразумение. — Кто ж мы друг другу: тот, тогда писать начавший, и я нынешний? По возрасту — сын он мне вполне: мне 55, тому — 35. Ну, а по хронологии, по положению на шкале времени, тот — предшествует мне нынешнему, так что я — сын его. Вот воистину: «неслияно и нераздельно» — отец в сыне и сын в отце.

Ну, а теперь, взявшись за руки, войдем в храмину труда сего нашего общего, совокупного.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБРАЗНОСТИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

(45 натурфилософских романсов на стихи Тютчева)

15.3.84. Ведущий. Приступаю к этому дорогому мне, многотрудному и многострадальному тексту. Трепет, естественно, охватывает, ибо замахиваюсь здесь на самое священное — и неприкосновенное: «Я» наше познать, «дом, в котором я живу», Космо-Психо-Логос России. Всё тут так чуточко и чувствительно: всякий ощуп, вывод и перекос... А как не перекосить? По частям ведь можешь постигать — обходить это Необъятное. А всякая часть есть в принципе ложь: ложь Целого. Исправить может лишь всесторонность, всечастиность! А как же малому смертному их все охватить, обейти?

И тем не менее — манит магнит этой задачи, и очертя голову: «Ах, была не была! Кривая — вывеает!» — бросаешься в эту тему.

Так и я осмелился.

Правда, очень уж благоприятные сложились в моей жизни обстоятельства тогда, в лето и осень 1966 года, — и дух был жизнерадостен и смел и рвался к многотруднейшему делу: теперь — или никогда! И повезло мне тогда глубинно встретиться, вступить в собеседу — с Тютчевым, его взяв в поводыри-Вергилии по русскому Космо-Психо-Логосу.

Совершалось это на дивном природном и жизненно-душевном фоне. Мы, ново-второ-брачные, приехали на лето на Смоленщину, на родину тестя, что недалеко от Брянщины, где Овстуг Фёдора Ивановича, — и там, в деревеньке Верховая Рославльского района, поселили нас с женой одних в пустующем летом здании начальной сельской школы в яблоневом саду. И там я каждое утро святое погружался в моление «богу» одного стихотворения: проникался им, собеседовал с ним, толковал его, стремясь проникнуть через Тютчева в возможный русский Олимп и Пантеон.

Как раз перед этим я штудировал «Философию природы» Гегеля, учась вычитывать мысли не из мыслей (понятий, идей, рассуждений), а из прямо тел, существ, явлений Природы, постигая их как «тело-идеи», их язык и излучаемые смыслы. И этот натурфилософский метод я применил к пониманию Тютчева. Тогда, на Смоленщине, я набросал эскизы анализов, а по возвращении в Москву поселился в

деревне Фоминское близ Десны и там, живя сентябрь — ноябрь, доделывал, дожимал, доводил уразумения — до текста.

В итоге и получилось это сочинение.

Тут главное... — тут нет главного. Тут много главного. И поиск основного набора, фонда символов русской космогонии; и выработка особого способа анализа поэтического текста; и создание своего произведения — литературно-философского «романса» на стихотворение поэта; и сорассуждения с Тютчевым на разные философско-жизненные темы; и «физика поэзии», и «поэзия физики» — поэтическое естествознание; и метод «дедукции воображения», и многое еще всякого...

Но — напрасно я упреждаю. Читай же, читатель. И будь снисходителен к опыту этому.

Да, надо еще в предварении сказать, что это — второй мой заход впрямую к постижению русской сути. Первый был сделан в мае — июне 1960 года, когда я писал главу «Русский образ» для «Теории литературы», что разрослось в целую книгу: «Опыт философии русской литературы», которая вышла (урезанная) в 1981 г. в издательстве «Искусство» под названием: «Образ в русской художественной культуре». Там был развит историко-логический подход к fazam становления художественного образа в русской литературе, — так что здесь я мог сосредоточиться на другой стороне дела: национально-космической, и другим методом работать, который я понимаю, как «дедукцию воображением» (или «имагинативную дедукцию» — назовем так для учености тем, кто любит).

СРЕДИСЛОВИЕ ВЕДУЩЕГО

4.4.84. В е д у щ и й. — Нет, не дает мне покоя глава-часть о Тютчеве. И уже приготовив почти совсем рукопись, возвращаюсь еще кое-что объяснить тут, приготовить читателя. Ведущий — Свёдущий ведь должен быть, а я-то уж знаю многие и разные реакции на предстоящий чтению текст.

Итак, готовься к труду, читатель. Анализы будут — как раскопки: добыть надо в поддоне каждого стихотворения, в его «культурном слое», те смыслы, символы и архетипы, которые не очевидны на поверхности. Или даже так: совсем очевидны — для наивно-детского, игрового зрения, — но не зрят того замутненные очи, игра ума труднее всего дается вышколенному специалисту, и чтоб увидеть лежащее на поверхности, надо в подспуд и глубину зарываться, там выправить зрение ума, сфокусировать — и взвидеть ближайшее.

Лопата же наша в этих раскопках — образ, или точнее: м *ы с л е - о б р а з*, художественным мышлением производится эта работа, и в итоге возникает — текст, имеющий собственное и интеллектуальное и

художественное значение. Это тоже трудно понять: зачем это? Не понял же один маститый литературовед, подойдя с мерками рассудочной науки. По счастью, есть просвещенные и широко мыслящие умы, и вот письмо-отзыв Ю. М. Лотмана на «Космос Достоевского», что я прислал ему для опубликования в их «Семиотиках». Он отказал, но мотивы отказа очень хорошо объясняют особенность моего метода, так что, с разрешения автора письма, приведу оттуда выдержку. Хотя это к работе о Достоевском, которая написана позже, но метод этот вырабатывался как раз в предстоящей читателю моей работе над Тютчевым.

«Вашу статью я прочитал (бегло) сразу... а, получив Ваше последнее письмо,— еще раз внимательно. Скажу Вам откровенно, что решить ее судьбу «в двоичных единицах» («идет — не идет») мне очень трудно. С одной стороны, статья мне, безусловно, нравится. Более того, на мой взгляд, это одна из самых удачных Ваших работ, насколько мне они известны (я стараюсь за ними следить). Она, бесспорно, очень значительное явление. Но вот чего? Нашей культуры — вие всяких сомнений. А вот науки? Мое «с другой стороны» поясняет мысль: ваша работа глубока по мыслям, но мысли эти мне представляются скорее художественными, чем научными. И вообще статья — факт художественной прозы в большей мере, чем научной. Это не умаление ее. Кто не согласится с тем, что цветаевский Пушкин значительнее многих и многих научных аналитик —

Томов премногих тяжелей...

Но оттого, что он лучше, чем сочинения пушкинистов, глубже и ближе к Пушкину, он еще не становится фактом науки (он только показывает, что искусство обладает возможностями, неизвестными науке, и что подлинная гениальность в науке бесконечно реже, чем в искусстве). Я не случайно вспомнил Цветаеву: некоторое глубинное влияние ее типа мысли и жанра сочинения мне чувствуется и в Вашем «Космосе». Когда-то грань между наукой и искусством проводили по теме: «про химию» — значит наука, «про любовь» — следовательно, искусство. Теперь (как и в разнице между прозой и стихами) мы говорим не о теме, а о типе мысли. Ваши мышление — художественно. Это обнаруживается и в той роли, которую у Вас играет стиль, выраженье мысли, и в том, как Вы относитесь к научным идеям: Вы ими вдохновляетесь, а не убеждаетесь, и читателя хотите вдохновить в большей мере, чем убедить. Нельзя же считать доказательством в научной сфере предложение прочесть «город» наоборот. А в искусстве это доказательство потому, что там доказательство все, что автор таковым считает. И это занимает структурное место доказательства.

Не хочу спорить с Вами по сути Ваших мнений — они, как мне